

984
189

Александръ Берещагинъ.

НА ВОЙНѢ.

РАЗСКАЗЫ ОЧЕВИДЦЕВЪ

1900—1901 г.

(Съ портретами и рисунками).

17-ГО ОКТЯБРЯ 1900 Г. ВЪ МАНЧЖУРИИ.

(Воспоминанія войскового старшины Вотинцева).

1-го Нерчинскаго полка Забайкальскаго казачьяго войска Войсковой Старшина Д. П. Вотинцевъ.
20 Декабря 1901 г. Мукденъ.

14-го Октября нашъ Нерчинскій полкъ присоединился къ отряду генерала Рененкампа въ д. Шуньянь, около 100 верстъ южнѣе Гириня. Я временно оставался за командира полка, который къ нашему огорченію въ г. Никольскѣ оступился и упалъ изъ вагона. Являюсь къ генералу Рененкампу и докладываю о прибытіи сотенъ и знамени Нерчинцевъ.

— Явились вы во время! Завтра утромъ мы выступаемъ на соединеніе съ отрядомъ генералъ Фока. Пойдемъ во владѣніе господина Ханъ-тенъ-гю, — объявилъ мнѣ генералъ.

Я передалъ ему просьбу гг. офицеровъ и нижнихъ чиновъ, чтобы онъ и насъ взялъ съ собой.

— Отлично, очень радъ, возьмемъ и знамя ваше! Готовьтесь къ выступленію въ 6 часовъ.

Со штабомъ, кромѣ меня, прибыли командиръ 3-й сотни подъесаулъ Грековъ, полковой адъютантъ сотникъ фонъ-Шлихтингъ и полковой казначей хорунжій Ермолаевъ. Этотъ, какъ больной, остался начальникомъ

обоза, для сопровожденія его обратно въ г. Гиринь. Не буду описывать подробно наше движеніе къ отряду генерала Фока, съ которымъ должны были соединиться около гор. Куанкая (Гуангая), на переправѣ черезъ р. Сунгари. Разстояніе между нами было около 120-ти верстъ. Предположено пройти его въ два дня.

Отрядъ былъ въ полномъ смыслѣ слова летучій, безъ артиллеріи и безъ обоза. Взято было только по двѣ двуколки на сотню, запряженные тройками, чтобы и на рыси не отставали отъ отряда. Порядокъ движенія: въ полуверстѣ впереди головная сотня, высылавшая дозоры. Затѣмъ начальникъ отряда со свитой. Сотня. Хоръ Нерчинскихъ трубачей, знамя, двѣ сотни, обозъ и тыловая или дежурная сотня, высылавшая дозоры назадъ. При каждой сотнѣ по нѣскольку заводныхъ лошадей.

15-го Октября 1900 г., летучій конный отрядъ выступилъ по направленію къ г. Манпашану въ 6 ч. утра въ составѣ 1-ой, 2-ой и 3-ей сотенъ и хора трубачей, Нерчинцевъ, и 5-ой и 6-ой сотенъ Амурцевъ.

Пройдя 25 верстъ, мы получили изъ головной сотни донесеніе, что китайцы заняли позицію у деревни Удядзя. Въ этихъ случаяхъ, генералъ Рененкампъ, обыкновенно на рысяхъ, велъ отрядъ ближе къ противнику. Поднявшись на какую-нибудь возвышенность и осмотрѣвши непріятельскую позицію, отдавалъ словесное приказаніе, кому и что дѣлать. Китайцы заняли позицію по берегу рѣчки съ болотистыми берегами, обросшими мелкимъ тальникомъ. По берегу разбросаны фанзы и деревушки. Непріятель растянулся длинной цѣпью. Нашъ строй — обыкновенно лава. Часть съ фронта, а часть для захвата фланговъ. Другой строй невысланный для дѣйствія въ конномъ строю, въ виду пересѣченности мѣстности. Чтобы охватить позицію китайцевъ всѣ сотни были пущены въ атаку. При этомъ строй разорвался между двумя сотнями настолько, что образовался промежутокъ шаговъ въ 200. Въ него ворвалось человекъ 100—150 пѣшихъ китайцевъ.

Спасаясь отъ казаковъ, они бросились прямо на начальника отряда со свитой, гдѣ было и знамя Нерчинцевъ. Тамъ, въ резервѣ, оставался только хоръ трубачей. Минута была критическая. Приходилось пустить въ атаку трубачей, а вѣстовымъ спѣшиться и готовиться открыть огонь. Моментально трубачи — «шашки вонъ». Трубы полетѣли на землю. Лихая была атака. Рѣдко выпадаютъ на долю трубачей подобные случаи. Повели трубачей сотникъ Гучковъ и капельмейстеръ Скрипкинъ, бывший ранѣе въ Туркестанѣ, въ рядахъ войскъ въ одномъ изъ линейныхъ баталіоновъ. Рубили безпощадно обезумѣвшихъ враговъ. На долю каждаго пришлось не менѣе трехъ китайцевъ. Остальные по одиночкѣ разбѣжались въ разные стороны. Разгоряченные трубачи полетѣли далѣе, на помощь сражающимся впереди, и наталкиваются на завязшихъ въ болотѣ двухъ офицеровъ, хорунжихъ князя Магалова и Верхопрахова, по которымъ стрѣляла толпа китайцевъ. Часть трубачей бросилась на непріятели, а часть вытщила офицеровъ и ихъ лошадей изъ болота. Преслѣдовали версты 5—6. Въ 12 часовъ кончился бой. Убитыхъ китайцевъ масса. Только вдоль дороги лежало ихъ болѣе 30-ти человекъ. Здѣсь пронеслась маленькая частичка 2-ой сотни. Впослѣдствіи китайцы говорили, что 15 Октября у нихъ было убито 500 человекъ. Въ первый разъ увидалъ я удары шашками по человѣческому тѣламъ. У одного китайца была отрублена рука въ плечѣ и висѣла только на кожѣ. У другого срублена часть черепа, у третьяго ударъ пришелся въ ротъ и рана до ушей и т. п. Трофеи наши—масса ружей и фальконетовъ всевозможныхъ системъ. Знамена и значки. Все было поломано и сожжено на кострахъ. Мы потеряли одного убитаго и 9 раненыхъ (2 трубача). Лошадей погибло 20 штукъ.

Верстахъ въ 8-ми отъ мѣста перваго боя, китайцы опять встрѣтили насъ упорнымъ сопротивленіемъ близъ деревни Дудохэ. Долго возились мы съ ними, но успѣхъ оказался на нашей сторонѣ. Отъ захвачен-

ныхъ китайцевъ узнали, что впереди, верстахъ въ 18-ти, около городка Янтцшанъ, собралось много китайскихъ солдатъ, чтобы не пускать дальше русскихъ. Переночевали въ отдѣльномъ хуторкѣ, конечно, не раздѣваясь и не снимая оружія, въ полной готовности на случай нечаяннаго нападенія. Настроение радостное послѣ двухъ успѣшныхъ дѣлъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и тревожное. Что-то будетъ завтра? Маленькій отрядъ русскихъ, окруженный многочисленнымъ врагомъ, далеку отъ всякой помощи. Жители враждебны.

Рано утромъ 16-го октября двинулись мы къ Янтцшану. Предъ выступленіемъ я видѣлъ такую сценку: нѣсколько товарищей окружило урядника, амурца Бѣлоусова, который отъ тоски проплакалъ, чуть не всю ночь, предчувствуя несчастье. Товарищи уговаривали его остаться при обозѣ:—тебя знаютъ, что молодецъ, и никто не подумаетъ о тебѣ, какъ о трусѣ. Ну, заболѣлъ да и конецъ.—Бѣлоусовъ остался при обозѣ. Но бѣдняга предчувствовалъ правду. Пуля и въ обозѣ нашла его и пронзила ему сердце. Бой подъ городомъ Янтцшаномъ былъ упорнѣе вчерашняго. Врага было больше. Позиція на высокихъ горахъ, въ двѣ линіи. Да и чувствовалось, что руководятъ китайцами болѣе опытные начальники. Дѣйствительно, впослѣдствіи оказалось, что тутъ уже были регулярные китайскіе солдаты. А 15-го октября мы имѣли дѣло съ земскою милиціей, и только небольшое ядро регулярныхъ солдатъ. Долго прочищали мы себѣ дорогу, и огнемъ, и шашками. Мѣстность гористая, покрытая лѣсомъ, трудно—доступная. Китайцы стрѣляютъ перекрестнымъ огнемъ. Страшную для нихъ лаву,—развернуть нельзя. Все больше въ пѣшемъ строю. Бойцовъ меньше. Часть держитъ лошадей. Наконецъ мы очистили себѣ дорогу, заставивъ отступить китайцевъ въ горы. Долго они провожали насъ своей беспорядочною стрѣльбой. Убѣдился я, что китайская стрѣльба не приноситъ намъ большого вреда, отъ неумѣнья обращаться съ прицѣлами новѣйшихъ системъ ружей. Они мало были под-

готовлены. Но такъ или иначе, много свистало пуль надъ нами и много ихъ падало около насъ. Впервые мнѣ пришлось видѣть генерала Рененкампа подъ сильнымъ огнемъ. Что въ душѣ его происходило—не знаю, но наружное спокойствіе удивительное. Веселость ни на минуту не покидала его. Не смотря на то, что нѣсколько пуль легло у ногъ его лошади, онъ даже и головы не поворачивалъ, а посылалъ, то туда, то сюда приказанія.

16-го октября отрядъ ночевалъ въ 15-ти—16-ти верстахъ отъ г. Манпашана. Всю дорогу отъ Янтцшана до ночлега, китайцы, хотя изрѣдка, но открывали по насъ стрѣльбу. Тутъ былъ убитъ казакъ 2-ой сотни Намаконовъ и одинъ раненъ. Ночлегъ, подъ открытымъ небомъ. Всѣ въ кучкѣ, на сторожѣ. О Манпашанѣ подробностей не знали. Свѣдѣнія самыя неточныя. Есть войска, сколько,—неизвѣстно. Есть ли крѣпость или нѣтъ,—не знаемъ. Слыхали, что есть будто бы окопы передъ городомъ. Но вотъ запылали костры. Жарятъ шашлыки. Тутъ же на соломѣ нѣкоторые уже похрапываютъ. Кругомъ тишина. Кое-гдѣ появляются на горахъ огоньки. Раздаются отдаленные выстрѣлы. Впослѣдствіи мы узнали, что то были сигнальные выстрѣлы китайцевъ. Но веселость не покидала насъ. Офицеры все молодые, генералъ удивительно бодрый. Казаки тоже бодры и веселы. Иногда появлялось безпокойство на душѣ: если такъ еще дня два пройдетъ, то хватить ли патроновъ? На другой день отдано приказаніе, расходовать патроны, какъ можно экономнѣе, что бы ни случилось. На мѣстѣ ночлега, близь деревни Цуцихэ, былъ похороненъ казакъ Намаконовъ. Утромъ 17-го октября генералъ напомнилъ казакамъ о спасеніи Царской семьи въ этотъ день, и сказалъ, что и насъ Господь не оставитъ безъ милости, въ какомъ бы мы положеніи ни были.

День 17-го октября 1900 года на всю жизнь останется памятенъ для меня. Въ головѣ шла 3-я сотня подьесаула Грекова, потерявшая въ предыдущихъ бояхъ почти всѣхъ урядниковъ ранены-

ми. За ней, въ полуверстѣ генералъ со свитой передъ 5-й Амурской сотней. Есауль Фусъ, затѣмъ остальные сотни. Дорога на протяженіи 8-ми верстъ пролегала по болотистому грунту. Далѣе виднѣлась высокая гора среди долины, и отъ нея отходили возвышенности въ разныя стороны. Отрядъ, пройдя верстъ восемь, увидѣлъ скачущаго казака съ донесеніемъ: ну, братцы, есть!—Мы знали, что если казакъ изъ головной сотни скачетъ, то, значитъ, наткнулись на противника. И дѣйствительно, по головной сотнѣ китайцы открыли огонь, засѣвъ по дворамъ, фанзамъ и горкамъ. Фронтъ ихъ тянулся далеко вправо отъ дороги. Мѣстность пересѣченная, покрытая мелкимъ лѣсомъ. Въ ложбинахъ,—болота. Генералъ приказалъ мнѣ взять 5-ю Амурскую сотню и, присоединивъ головную 3-ю сотню, сбить китайцевъ, по возможности не тративъ патроновъ. Построенные въ лаву казаки быстро понеслись подъ сильнымъ огнемъ противника, съ крикомъ «ура». Китайцы не выдержали и бросились отступать. Ни одинъ не ушелъ цѣлымъ. Казаки уже знали изъ практики, что разъ пошли въ атаку, нужно стремиться наивозможно скорѣе приблизиться къ врагу. На этотъ разъ противникомъ оказались регулярные солдаты, вооруженные исключительно Маузеровскими винтовками. Патроновъ по 270 на каждомъ въ 3-хъ патронташахъ. Офицеры болѣе рѣшительны и распоряжались на нашихъ глазахъ. Они всѣ конные, по преимуществу на бѣлыхъ лошадяхъ, и въ ярко-цвѣтной одеждѣ. Два китайскихъ офицера настолько оказались храбрыми, что у казаковъ явилось желаніе схватить ихъ живыми. Нѣсколько человекъ бросились на нихъ. Тѣ, видя опасность, карьеромъ полетѣли назадъ,—но слишкомъ поздно. Одного настигъ урядникъ 3-й сотни Зиминъ и на есаку бросается съ объятіями. Оба съ лошадей валятся на землю. Крикъ, трескотня выстрѣловъ, и одна пуля смертельно ранитъ китайскаго наіона *).

*) Наіонъ, по китайски, офицеръ.

— Эка неудача! только коня замучилъ! хотѣлъ живьемъ поймать, а оказался мертвымъ!—ворчитъ Зиминъ. Другаго наіона убилъ хорунжій Верхопраховъ. Гнали китайцевъ версты 4—5. Генераль на помощь 3-й и 5-й сотнямъ пустилъ и остальные. При князѣ Магаловѣ состоялъ вѣстовымъ осетинъ Когосовъ, удивительно лихая личность. Несмотря на свои прямыя обязанности, онъ всегда участвовалъ въ бою съ 5-й Амурской сотней. Въ этомъ дѣлѣ Когосовъ, догоняя кучку китайцевъ, и видя, что не догонитъ, пустилъ пулю имъ, и пронзилъ смертельно двоихъ. Этотъ случай далъ поводъ говорить про Когосова, что онъ умѣетъ нанизывать шашлыкъ изъ китайцевъ на свои пули. Насколько я знаю, генераль Рененкампфъ представлялъ этого лихого казака къ знаку отличія военнаго ордена, но Когосовъ не получилъ его, за неимѣніемъ письменныхъ свѣдѣній. А жаль, онъ безусловно заслуживаетъ этого отличія.

Сигналь «отбой» прекратилъ дѣло. Сотни стали сбираться на дорогу въ г. Манпашанъ, который уже виднѣлся вдаль. Настроеніе великолѣпное. «Навѣрное городъ сдадутъ безъ сопротивленія. Китайцы обыкновенно такъ дѣлали ранѣе, если съ передовой позиціи ихъ сбивали», сказалъ генераль, обращаясь къ офицерамъ. Дѣло подъ Чамелидзе кончилось около 9¹/₂ часовъ утра. Генераль поблагодарилъ за молодецкое дѣло, и приказалъ вытягивать походную колонну. Впереди 1-ая сотня, затѣмъ штабъ, 6-я, 2-я, 5-я сотни, обозъ, уже наполненный ранеными, сзади 3-я сотня. Прошли не болѣе версты. Вдругъ китайцы открыли по насъ ружейный огонь изъ цѣпей, разсыпанныхъ по окраинѣ города и въ стороны отъ него. По количеству огня и длинѣ цѣпи можно было предположить, что защитниковъ много. Городъ обрисовался какъ на ладони. Видна новая крѣпость. Высокая стѣна казалась исполиномъ противъ фанзъ, кругомъ разбросанныхъ. Къ нашей западной сторонѣ обращены однѣ ворота съ прекрасной башней.

Генераль распорядился такимъ образомъ: были

спѣшны 1-я, 2-я, 5-я и 6-я сотни. 1-я, 2-я и 6-я сотни рассыпали цѣпи вправо. Начальникомъ участка назначенъ есауль Пышковъ. Влѣво рассыпала цѣпь 5-я сотня. Ее повелъ подполковникъ Павловъ. 3-я сотня оставлена въ резервъ со знаменемъ, и въ прикрытіе коноводовъ. На правый флангъ, для наблюденія за флангомъ, высланъ разъѣздъ подъ командой сотника Кабанова. На лѣвый,—поручика Арсеньева. Быстро наши наступали. Заставили китайскія цѣпи отступить и броситься въ горы, вправо и влѣво. Съ крѣпостной стѣны открыли усиленный огонь. Но крѣпость близко и наши уже подъ стѣнами крѣпости. Коноводы и обозъ спрятаны въ небольшой впадинѣ, въ 350-ти шагахъ отъ стѣны, открытой только съ сѣвера. Кругомъ этой ямы мелкій лѣсокъ. Генераль слѣдитъ за ходомъ боя съ возвышенности, подъ сильнымъ огнемъ, подвергая себя большой опасности.

«Ваше превосходительство! спуститесь въ лощину, пожалуйте себя для насъ»—говорятъ ему.

«Мнѣ удобнѣе отсюда наблюдать за ходомъ боя»,—отвѣчаетъ генераль, и облокотившись о стволъ дерева, съ записной книжкой въ рукахъ, смотритъ на крѣпость.

Стали появляться раненые. Врачъ Черкесовъ устроилъ перевязочный пунктъ около коноводовъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ. Это была премилая личность. Невозмутимый, съ великимъ хладнокровіемъ, самымъ добросовѣстнымъ образомъ исполнялъ онъ свои обязанности подъ пулями. Многие изъ раненыхъ обязаны ему жизнью. Это человекъ, который себя забывалъ совершенно, помнилъ только больныхъ. Отрадно на душѣ, когда встрѣчаешь подобныхъ людей.

Стали получаться донесенія, что китайцы массами выходятъ изъ крѣпости съ противоположной стороны и отступаютъ въ горы *). Явилась надежда, что городъ будетъ занятъ нами. Разсыпавшаяся ранѣе, по горамъ, китайская пѣхота собирается въ густыя массы.

*) Доносилъ Гордѣевъ.

Вдругъ новое донесеніе,—нѣтъ возможности разломать ворота. Не хватаетъ людей таранить ихъ. Нужны стрѣлки для прикрытія ломающихъ ворота, а огонь китайцевъ усиливается. Это доносилъ есауль Пѣшковъ.—То же доносилъ и есауль Фусъ. Для разрушенія воротъ были взяты толстыя бревна, перевязанныя веревками въ нѣсколькихъ мѣстахъ. За концы веревокъ брались люди и, раскачивая бревно, ударяли имъ по воротамъ. Людей было такъ мало, что если приняться за этотъ таранъ, то не хватитъ стрѣлковъ для прикрытія. Работа идетъ не успѣшно. Изъ разъѣздовъ стали получаться донесенія, что китайцы спускаются съ горъ массаами. Маневръ ихъ сталъ понятенъ. Они начали окружать насъ. Крѣпость для нашей горсти неприступна. Защитниковъ же ея масса. Генераль отдалъ приказаніе отступать къ резерву.

Подъесауль Грековъ съ нѣсколькими казаками былъ посланъ осмотрѣть большой дворъ съ постройками внутри. Онъ находился противъ открытаго фланга ложбины, гдѣ помѣстился резервъ. Приказано было зажечь его, дабы китайцы не могли при наступленіи имѣть за нимъ укрытіе.

Подъ адскимъ огнемъ пришлось отступать изъ-подъ стѣнъ крѣпости. Собрались всѣ въ одну яму, едва укрывшую горсть русскихъ. Послѣднимъ прибылъ къ резерву разъѣздъ поручика Арсеньева. Когда онъ сталъ спускаться въ ложбину, то одновременно подъ нимъ и его вѣстовымъ были убиты лошади. Стало выясняться по лянзовымъ знаменамъ, что китайцевъ не менѣе 6.000. А сколько еще въ окрестностяхъ? Борьба непосильная. Можно немедленно прорваться, но жаль бросать раненыхъ. Два убитыхъ лежать на мѣстѣ отступленія отъ стѣнъ крѣпости. Тѣ боли чувствовать не будутъ. Они не нуждаются въ уходѣ. Десятки же раненыхъ,—тѣхъ жаль. Не будь ихъ, можно бы было обойти городъ и пойти дальше къ намѣченной ранѣ цѣли. Подобное состояніе было въ 2 часа дня. Генераль рѣшилъ ждать ночи, а до того времени отсиживаться. Яма наша была раздѣлена на участки по-

сотенно: 3-я и 2-я къ сторонѣ крѣпости и на сѣверъ. 1-ая и 6-ая на югъ и юго-западъ. 5-ая сотня на западъ. Патроновъ мало. Приказано стрѣлять только тогда, когда китайцы подойдутъ на 300 шаговъ, и то обязательно залпами.

Врагъ окружилъ насъ. Положеніе критическое. Слышны разговоры. Переводчики передаютъ, что китайцы собираются броситься на насъ и уговариваютъ остальныхъ не отставать отъ нихъ. Вотъ выдѣляются человѣкъ пятьдесятъ смѣльчаковъ. Остальные массаами стоятъ за ними и надвигаются. Смѣльчаки все ближе, и ближе,—всего шагахъ въ 80—100.

«Ребята, цѣлься хорошенько, безъ промаха!»—два залпа и 47 смѣльчаковъ—китайцевъ отошли въ вѣчность. Зорко слѣдили мы за противникомъ. То и дѣло доклады: «Изъ крѣпости перебѣгаютъ къ ближайшимъ фанзамъ». Съ сѣвера,—масса спускается съ горъ и заходятъ въ тылъ. Съ южной стороны спускаются въ долину много, вѣроятно не менѣе 4-хъ лянзъ. Судя по знаменамъ, мы окружены тысячами китайцевъ. Захваченные нами нѣсколько человѣкъ показывали, что въ городѣ много войскъ. Очень много. Командуетъ ими Матулинъ, полковникъ, пришедшій къ Хан-тен-го изъ Южной Манчжуріи съ 1.500-ми хорошихъ солдатъ. Пушекъ нѣтъ, но сегодня послали въ г. Хайчетою за пушками,—40 верстъ отсюда.—Тамъ войскъ еще больше, чѣмъ здѣсь,—не менѣе 8000».

Богъ можетъ только спасти, выхода нѣтъ, прорваться придется съ большими жертвами, жаль раненыхъ. Генераль грустный,—слезы на глазахъ.

«Господа!—обратился онъ къ намъ съ рѣчью.—Далѣе двигаться на соединеніе съ отрядомъ генерала Фока невозможно. Мало патроновъ, раненыхъ много, а войска Хан-тен-го видимо всѣ сосредоточены между нами. Нужно отступить обратно. Но когда? Сейчасъ или ночью? Продержимся ли до ночи?»—Каждый изъ насъ радъ былъ этому рѣшенію, я въ этомъ глубоко убѣжденъ. Всѣ готовились къ страшной минутѣ.—Генераль, полуплутъ, полусерьезно, обратился ко мнѣ почти шо-

потомъ: «Въ послѣднюю минуту сожгемъ знамя, а потомъ»... и показалъ мнѣ на револьверъ. Я понялъ. Рѣшили ждать темноты. На душѣ стало легче. Огонь противника сильный, особенно со стѣнъ крѣпости. Яма укрывала насъ хорошо. Нижніе чины были положены по краямъ ямы, наготовѣ встрѣтить врага залпами. Офицеры воодушевлены, держатъ себя молодцами, даже бравуруютъ,—не хотятъ лечь. Подполковникъ Павловъ энергично отдалъ приказаніе: «Господа... приказываю лечь и безъ нужды не вставать». Самъ-же зорко за всѣмъ слѣдилъ. Со стороны 3-й сотни, которая была немного дальше, и ея не было видно генералу, нѣтъ, нѣтъ, да и раздавались выстрѣлы. Иду справиться о положеніи дѣла. Подъесаулъ Грековъ доложилъ, что китайцы перебѣгаютъ изъ крѣпости къ ближайшимъ фанзамъ и что онъ, дабы удерживать ихъ отъ этого маневра, приказалъ лучшимъ стрѣлкамъ стрѣлять по перебѣгающимъ. Много уже уложено, но окончательно остановить китайцевъ не можетъ. Уряднику Зимину захотѣлось посмотреть результатъ стрѣльбы, онъ приподнялся на колѣно, и сейчасъ же свалился навзничь. Думали, покончили съ молодцомъ, но оказалось, что прострѣлена только спина, и не опасно. Пошелъ на перевязочный пунктъ самъ, и шолъ точно здоровый. Вообще казаки отличаются большой выносливостью при ранахъ. Не услышите ни крика, ни стона. У одного Амурца, урядника Савина, раздроблена челюсть, и языкъ распухъ до того, что не помѣщается во рту, а онъ еще пытается улыбаться надъ тѣмъ, что его обвязали, точно бабу.

Часа въ 4 вечера начался дождь. Раненые стали мерзнуть. Начерпали изъ грязной лужи воды и согрѣли чаю. Дождь перешолъ въ снѣгъ. Китайцы дождя и снѣга не любятъ. Стрѣльба утихла. Только время отъ времени раздавалось по нѣскольку выстрѣловъ съ крѣпости. Мы вздохнули и стали мечтать о спасеніи. Господь видимо помогаетъ намъ. Лица повеселѣли.

Вдругъ совершенно неожиданно въ яму къ намъ является китаецъ.

— Кто такой? что ему надо? — спрашиваемъ мы. Переводчикъ перевелъ намъ слова китаецъ:

«Я монахъ, служу добру. Желая и вамъ добра. Пришелъ я показать дорогу, по которой вы можете пройти въ меньшей опасности, чѣмъ по той, по которой пришли сюда. Китайцевъ много-много. Скоро у нихъ будетъ пушка. Они васъ убьютъ всѣхъ. Надо уходить».

«Ты китаецъ и странно, что желаешь спасенія врагамъ своихъ родичей», отвѣтилъ ему генераль.

«Спася васъ, я спасу много китайцевъ. Вы храбры, и прежде, чѣмъ васъ убьютъ, много китайцевъ погибнетъ отъ вашихъ пуль и пашекъ. Видите, что я и китайцамъ помогаю и, пожалуй, больше спасу китайцевъ, чѣмъ васъ». Разсужденія его были умны и вселили полное довѣріе къ китайскому монаху. Генераль рѣшилъ отступать по дорогѣ, указываемой монахомъ, который и поведетъ насъ. Время приближалось къ вечеру. Начались приготовления къ походу, — размѣщеніе раненыхъ по двуколкамъ. Всѣ размѣститься не могутъ. Пришлось легко раненыхъ посадить верхомъ и дать каждому по два казака въ проводники. Помню, у урядника Гусева были перебиты обѣ руки. Ихъ привязали къ груди, накинули полушубокъ и кругомъ обвязали. Остались свободными только ноги. Смѣется молодець, подсаживаемый на лошадь товарищами. Другой заявляетъ, что хотя у него и задѣто то мѣсто, на которомъ нужно сидѣть, но что онъ бочкомъ какъ-нибудь пройдетъ. Тишина при сборахъ была самая строгая. Подтянули подруги. Для прикрытія осталась 6-я сотня, усиленная десяткомъ казаковъ 1-й сотни. Для отступленія было отдано приказаніе: 5-я сотня въ головѣ, штабъ, знамя, трубачи, 3-я сотня, обозъ раненыхъ, 2-я сотня, 1-я сотня. 6-я сотня прикрываетъ отступленіе. Соблюдать тишину, беречь раненыхъ. Въ случаѣ нападенія,—раненыхъ въ середину. На фланги 2-я и 1-я сотни. Отъ колонны не отдѣляться. Не увлекаться противникомъ въ тылу и на флангахъ. Стремиться впередъ. Работать больше пашками. Назначены замѣстители въ случаѣ выбитія изъ

строю начальника. Съели,—тихо построились. Генеральско командовалъ: «Рысью маршъ! «Съ Богомъ». 6 часовъ вечера. Совершенно темно. Снѣгъ не большой. Монахъ повелъ насъ дорогой, идущей низиной, параллельно той, по которой прошелъ нашъ отрядъ. Дороги сошлись верстахъ въ 5-ти отъ г. Манпашана. Тишина замѣчательная,—ни звука. Китайцы, позалегшіе въ дворахъ, фанзахъ, оврагахъ и укрываясь отъ непогоды, проглядѣли насъ. Верстахъ въ 8-ми отъ Манпашана мы увидѣли выходящую изъ-за горизонта луну. Совершенно разведрило. Разрѣшено курить и разговаривать. Ночевали на старомъ мѣстѣ.

Группа г. офицеровъ отряда Генерала Рененкампа 14-го Октября 1900 г.

Такъ кончился для насъ день 17-го октября 1900 г. Богъ и добрый человекъ спасли насъ. Можетъ быть, другимъ приходилось бывать и въ болѣе опасномъ положеніи, но не думаю, чтобы нашелся человекъ, который счелъ бы и наше положеніе легкимъ. 5 человекъ остались навсегда въ Манчжуріи, 32 раненыхъ, и изъ нихъ много тяжело. Нѣкоторые въ Гиринскомъ госпиталѣ вскорѣ умерли. Нѣкоторые остались калѣками. Несмотря на то, что офицеры все время были впереди, Господь спасалъ ихъ. И удивительная слу-

чайность, ни одного раненаго, хотя пули осыпали насъ. У поручика Арсеньева убита лошадь, у подъесаула Абаимова прострѣлено пальто, у сотника Гордѣва папахъ, у сотника фонъ-Шлихтинга,—пальто и теплушка. У сотника Кабанова одна пуля пробила каблукъ сапога, а другая попала между голенищемъ и бокомъ лошади, контузила ногу и ранила лошадь. У капельмейстера Скрипкина,—задѣла козырекъ на фуражкѣ. Всѣ офицеры и нижніе чины держали себя во время этихъ 3-хъ дней истыми героями. Трудно отдать кому-либо предпочтеніе. Только однимъ приходилось быть въ болѣе

1-го Нерчинскаго полка Забайкальскаго Казачьяго Войска урядникъ Юдинъ.

тяжеломъ и опасномъ положеніи, а другимъ,—въ менѣе. На обратномъ движеніи китайцы устраивали намъ засады, но нерѣшительно. Только въ одномъ мѣстѣ чуть не поплатился жизнью подполковникъ Павловъ: два китайца-фанатика притаились въ кустахъ близъ дороги и сдѣлали по немъ два выстрѣла. Павловъ ѣхалъ впереди насъ, на нѣсколько шаговъ. Моментально вѣстовой при генералѣ, георгіевскій кавалеръ, приказный 2-ой сотни Юдинъ, соскочилъ съ лошади, выхватилъ винтовку и маршъ въ кусты: «трахъ-трахъ», китайцы уенули вѣчнымъ сномъ.

22-го октября отрядъ прибылъ въ гор. Гиринъ. Здѣсь ихъ встрѣтилъ нашъ командиръ полка, полковникъ Котовъ, прибывшій послѣ болѣзни изъ Никольска, и нѣсколько офицеровъ полка. По русскому обычаю, командиръ разцѣловался съ нами, и пригласилъ на обѣдъ, устроенный въ китайской гостинницѣ.

21 декабря 1901 года. Г. Мукленъ.

Д. Вотинцевъ.